

свою историю, в теорию гедонистического потребления. От обычного потребления он отличается доминированием эмоциональных желаний, выходом на первый план символических, часто воображаемых качеств товара, неудовлетворенностью и стремлением к дальнейшему потреблению. Маркетологи разработали изощренные методы манипуляции потребителем формируя у него устойчивое стремление к удовольствию через потребление. По словам Бодрийера, логика потребления основана на отрицании удовольствия. «Система потребления как социальная логика всецело покоится на отрицании удовольствия. Удовольствие больше не является целью, объектом рационального стремления, но превращается в индивидуальную рационализацию процесса, имеющего внеположенную цель» [9, с. 107-108]. Таким образом, отождествление удовольствия и потребления ошибочно, они имеют разную цель и разную логику. Потому возникает необходимость уточнения, о каком гедонизме идет речь. Появляются новые определения: «апокалипсический гедонизм» (Ф.Бегбедер), «эгоистический гедонизм» (П. Дж. Бькенен), «потребительский гедонизм», «эскапистский гедонизм» (З. Бжезинский).

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

1. Ильиных С. А. Ключевые понятия общества потребления: исследование с позиции социологии [Электронный ресурс] / С. А. Ильиных. – Режим доступа: <http://dissers.ru/1/114655-1-sa-ilinih-klyuchevie-ponyatiya-obschestva-potrebleniya-issledovanie-pozicii-sociologii-state-idet-rech-takih-klyuchevih-ponyatiyah-ob.php>
2. Богданова О.А. Процесс секуляризации и кризис личности в западной культуре XX века / О. А. Богданова. – Ростов-н/Д.: Рост. гос. экон. ун-в., 2001. – 140 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: 1990. – 808 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
5. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.
6. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. 14. № 2. С. 3-40
7. Андреева А. А. Гедонистическое потребление: некоторые понятийные рамки [Электронный ресурс] / А. А. Андреева. – Режим доступа: <http://luxurytheory.ru/2011/10/gedonisticheskoe-potreblenie>.
8. Бузгалин А. В. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Бузгалин А. В., Колганов А. И. – ВФ 2012. – № 11. – С. 31–42.
9. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.

УДК 1(091).165

Г.Г. Старикова

Харьковский национальный университет радиоэлектроники
к. филос. н., доц. каф. философии

КОНЦЕПТ ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена лингвистическим исследованиям философов античности. Показана тесная связь ранних философских работ по проблеме языка с архаико-мифологическим мировоззрением. Проанализированы также лингвистические концепции классического периода. В частности, обращается внимание на труды софистов и Платона, во многом предвосхитивших дальнейшие исследования в сфере языкознания.

Ключевые слова: лингвистика, семантика, имя, этимология, архаика, античность, язык.

Г.Г. Старікова

КОНЦЕПТ МОВИ І ЛІНГВІСТИЧНИЙ ДИСКУРС АНТИЧНОЇ ФІЛОСОФІЇ

Статтю присвячено лінгвістичним дослідженням філософів античності. Продемонстрований тісний зв'язок перших філософських робіт з проблеми мови із архаїко-міфологічним світоглядом. Проаналізовано також лінгвістичні концепції класичного періоду. Зокрема, звертається увага на праці софістів і Платона, які у багато чому передумовили подальші дослідження у сфері мовознавства.

Ключові слова: лінгвістика, семантика, ім'я, етимологія, архаїка, античність, мова.

G.G. Starikova

THE CONCEPT OF LANGUAGE AND LINGUISTICS DISCUS OF ANTIC PHILOSOPHY

The article is devoted to the linguistics researches of antic philosophers. A close connection between the early philosophical works on the issue of language with archaic-mythological worldview. It is also analyzed the linguistic concept of the classical period. In particular, attention is drawn to the works of the Sophists and Plato, largely anticipated further research in the field of linguistics.

Key words: linguistic, semantic, name, etymology, archaic, antic, language.

Лингвистическая проблематика заняла прочное место в философских изысканиях сравнительно недавно – в начале XX века. Однако обращение к истории философии показывает, что лингвистический дискурс присутствует в философии с самого начала ее существования. По сути, благодаря развитию лингвистической философии XX века у историков философии возрос интерес к проблеме соотношения языкознания и философии в более ранние эпохи. Это делает **актуальным** обращение к проблеме лингвистических исследований в античной философии.

Цель данной статьи – рассмотреть базовые исходные принципы анализа человеческого языка, заложенные в античной философии.

Истоки языкознания как самостоятельной дисциплины, осознавшей свой объект и свой метод, свое место в системе смежных наук лишь в XIX веке, восходят к античности, в частности, к так называемой *грамматике* – разделу, занимавшемуся описанием языковых форм. Однако было бы неправильно думать, что античное учение о языке ограничилось созданием грамматической теории, унаследованной Средними веками. Античная языковая теория возникает не в процессе рассмотрения каких-либо частных проблем, а как одна из сторон основной философской проблемы, как вопрос о взаимоотношении между вещью, мыслью и словом. Современные исследователи пришли к выводу, что «в античной философии проблема языка была отнюдь не периферийным предметом, но начиная уже со времен архаики она воспринималась как одна из важнейших составляющих философского рассуждения» [1, с. 49].

Известно достаточно много примеров сходства в методах и приемах языковой и философской аргументации античных авторов. Так, начальный досократический этап становления античной гуманитарной науки является достаточно показательным для подобных исследований прежде всего потому, что его характерной приметой было наследуемое от мифологического мышления принципиальное неразличение *слова* и *вещи*. Как писал о функции языка в мифологическую эпоху Эрнст Кассирер: «тогда... слово не есть лишь обозначение или именование, не только духовный смысл бытия, но оно само по себе есть реальная часть бытия ... магическая функция слова явно доминирует над семантической функцией» [2, с. 159]. При этом Подобное представление о единстве и нерасчленимости мира, столь характерное для философии досократиков, можно легко соотнести с мифологической моделью мира, где каждая вещь существует лишь в своей соотнесенности с другими вещами и феноменами.

В ранней философии «центр тяжести» языковых исследований приходится на отдельное слово, точнее – на *имя*. Имя, осмысленное в его языковой связи с другими именами, становится орудием осмысления самой вещи в ее реальных связях.

Толкование имени – *этимология* – это первое проявление рефлексии над языком в истории греческой мысли. Пронизывающая всю раннюю греческую философию направленность к отысканию «первоначала» привела в области языковых исследований к попытке разрешить основной генетический вопрос – о происхождении языка, или, в греческой постановке вопроса – о происхождении «имен». Продуманную теорию происхождения первых «имен» мы находим в «Кратиле» Платона, но не Платон является ее творцом. Она принадлежит представителю атомистической школы Демокриту, для которого язык представлял своего рода модель, иллюстрирующую его основную философскую концепцию. Предложение («речь», *logos*) есть не что иное, как механическое «сплетение имен»; оно складывается из них точно так же, как имя из букв, а вещь – из атомов. Платон в «Кратиле» показывает несовершенство и ненадежность этимологического метода. Вещь не может познаваться с помощью исследования имени, вещи должны познаваться на основании исследования самих вещей. Имя, таким образом, не является орудием познания. Философ познает «вечносущее», но для этого имя должно выражать «идею» вещи с помощью «букв и слогов», что невозможно с точки зрения Платона. Звук как «подражание вещи» еще более отдален от вечносущего, чем сама чувственная вещь, и имя не может иметь никакой ценности, кроме договорной. Впоследствии в одном из своих писем Платон разъясняет, что знание имени есть наинизшая ступень, ниже, чем представление телесного образа вещи, и высказывает свое категорическое согласие с «договорной» теорией. Аристотель в этом отношении вполне солидарен с Платоном, считая, что слова семантически лишь по «договору» [3, с. 46]. Кроме того, всякий процесс мыслится по аналогии с трудовым процессом. Вещь, вошедшая в социально обусловленную сферу объектов мышления, представляется имеющейся в наличии потому, что некто когда-то эту вещь «сделал» или «нашел». Имеющиеся в языке «имена» также нуждаются в изобретателе. И хотя греческая мифология не приписывает ни одному из своих персонажей подобных функций, само представление об «установителе имен», «ономатотете», засвидетельствовано философами. Древнепифагорейское изречение гласит: «Что мудрее всего? Число, на втором месте тот, кто положил вещам имена». Не раз ссылается на это представление и Платон.

Другой аспект языковой проблемы был сформулирован в философии элеатов. Согласно их учению, все многообразие чувственного мира не обладает реальным бытием, а относится лишь к области «мнения». Имя, которое в мифологическом мировоззрении принадлежало самой вещи, теперь выпадает – вместе с самой вещью – из сферы бытия. Более того, если в архаическом мышлении имя было тем, что сообщало вещи полную субстанциональность, в философии элеатов оно превращается в источник иллюзорной субстанциональности чувственного мира, в корень всех заблуждений. В актах именования и создается та ошибочная система, которая образует «мнение». Предметы чувственного мира созданы именами. Имена начинают рассматриваться как человеческое установление, допускающее изменения.

Архаико-мифологическое наследие проявляется и в том, что многие из ранних философов обозначали языковой текст тем же термином, что и структуру упорядоченного мироздания – космос. Так, Демокрит говорит о стихах Гомера как о «порядке слов» (*kosmos erewn*), в которых проявляется его божественная природа; тем же словосочетанием обозначена речь божества в поэме Парменида «О природе». «Божественная» речь отражает правильный порядок вещей (вот почему ложь словами невозможна, ибо неправильно сказанное слово изменяет мир) – отсюда и идентичность понятий. Еще более характерно то, что история возникновения и развития языка описывается подобно космогонической картине. Сошлемся на изложение «истории языка», обычно приписываемое Демокриту, но, по всей видимости, восходящее к более ранним построениям: «Изначально речь была незначимой и *нерасчлененной*, и лишь

потом, мало-помалу были выделены слова, которые в своем соединении стали понятными для нас символами вещей» [3, с. 37]. В этом фрагменте становление языка – процесс, практически идентичный развитию мироздания, где из первоначального смешения и нераздельности возникают первые категории, членящие бытие. Эта «глоттогония» отчасти повторяется в излагаемом в платоновском «Филебе» предании о египтянине Тевте, который «первый в *беспредельности* различил гласные, не единые, но многие..., и вслед за этим разграничил *и* беззвучные, и безгласные..., и установив причастность каждого из них и всех их вместе числу, назвал это элементом. И установив, что никто из нас не воспринимает один из них сам по себе, постиг эту единую связь как языковое искусство» [3, с. 59]. Здесь чрезвычайно показательна характеристика исходного состояния языка как «беспредельного» (апейрон). Этот эпитет присутствовал как определение первоначальной материи и в философских космогониях, например, у Анаксимандра.

В космогонических описаниях Гераклита принцип организации космоса дополняется идеей о постоянном сопряжении несопряжимого («единство противоположностей» – «враждебное находится в согласии с самим собой»). Этот принцип он перенес и на анализ языка. Общность онтологического и лингвистического подходов у Гераклита отмечали многие авторитетные исследователи. Известно его высказывание: «Итак, луку (bios) имя жизнь (bios), а дело его – смерть» [3, с. 35]. Здесь Гераклит пользуется языковым материалом, чтобы доказать, что каждая вещь содержит в себе свою противоположность. В данном фрагменте слова отличаются лишь ударением. Согласно такому подходу языковое разграничение, т.е. разделение на слова, изоморфно разграничению отдельно взятых предметов бытия, точно так же, как соединение слов в предложение подобно установлению связи между отдельными предметами и построению единого целого мироздания.

Вопрос о первичности одного процесса по отношению к другому достаточно сложен, скорее можно говорить об их взаимном дополнении и параллелизме, который, собственно, и порождает сравнение порядка мироздания и языкового устройства. Отсюда, например, известное уподобление Демокритом буквы атому и иллюстрация им различных сочетаний атомов через буквенные аналогии. У Гераклита также идея неизбежности постижения предмета через его противоположность распространяется одновременно и на сферу абстрактных понятий, и на область языкового словоупотребления. Теория «единого бытия» Парменида традиционно анализируется как чисто метафизическая конструкция, однако в последнее время все чаще внимание обращается на языковой «пласт» парменидовых доказательств. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в сохранившихся фрагментах поэмы Парменида «О природе» его учение излагается как истинная *речь* божества, как диалог богини и поэта. Эта речь состоит из истинных слов (*эпеа*), образующих подлинное высказывание (*логос*) о сущности Вселенной. Для Парменида «мыслить и быть – одно и то же» [1, с. 56]. В то же время «мысль» во многих его фрагментах изоморфна «высказыванию»: «То же, что *высказывается* и *мыслиться*, необходимо должно быть сущим». «Бытие», «мысль» и «речь» оказываются связанными воедино, и язык при этом является той данностью, в которой отражается и мышление, и бытие. Можно утверждать, что именно философы-досократики первыми обратили внимание на аутопоэтическую составляющую естественного языка, находящую свое отражение и проявление в тесной связи языка с бытием, в зависимости языка от бытия.

Бытие явлено в языке, и без правильного высказывания невозможен процесс человеческого мышления и познания. «Ибо то, чего нет, ты не смог бы ни познать, ни выговорить». Бесспорной параллелью к этой фразе является высказывание из платоновского «Софиста»: «... небытие немислимо, невыражаемо, непроизносимо и невысказываемо» [3, с. 63]. Здесь еще более четко прослеживается языковой подтекст

рассуждений о небытии, ибо чисто словесно здесь построен весь путь от мысли к ее выражению в звучащей речи. «Сущее» в таком случае означает не столько некую объективную метафизическую категорию, сколько правильное высказывание о вещи, «что она есть». *Имя* у Парменида тем самым становится категорией языкового выражения, необходимой для истинного обозначения вещи, и центральное положение его доктрины приобретает значение не просто «Есть только сущее», но «О вещи можно сказать только, что она есть». В этом контексте становится понятной и следующая мысль того же фрагмента, согласно которой «этим (сущим) пусть именуется все, чему смертные установили (имена), убежденные в их истинности». Иными словами, истинны лишь утверждения с предикатом «есть», все остальные (когда о чем-то говорится «рождаться и гибнуть, быть и не быть, менять место и изменять цвет») – лишь отражения этого единственно правильного высказывания.

Всю философскую проблематику эпохи софистики пронизывает противопоставление «природы» и «закона». По поводу всех социальных отношений, даже шире, по поводу всех содержаний сознания ставится вопрос: существуют ли они по «природе» как неотъемлемые свойства объектов, или по «закону», как человеческие мнения и результат соглашения между людьми? В сферу этой проблематики попадает и язык. Консервативное направление противопоставило софистической теории «соглашения» принцип «правильности» имен «по природе». Это была попытка философски оформить традиционные представления о тесной связи имени с вещью, связи, игравшей очень значительную роль в практике греческого культа: название «правильного» имени служило залогом эффективности молитвенной или магической формулы.

Разделение на закономерности «по природе» и «по человеческому установлению» является предшественником двух сформировавшихся в античной философии и филологии направлений, дискуссия между которыми в полной мере отразила противоречия различных философских систем. Представители первого направления – *аналогисты* – исходили из понимания языка как системы четких правил (например, Аристотель с его формально-логической концепцией языка), единообразного построения сходных по семантике слов. При этом они опирались только на внешнее сходство, т.е. главным образом одинаковые окончания. Второе направление – *аномалисты* – были сторонниками окказиональности и считали, что норма может быть выведена из живой практики речи, не подчиняющейся правилам [4, с. 21]. Так, стоики (Кратет и его последователи) противопоставляли аналогии отсутствие морфологического единообразия и призывали руководствоваться исключительно обиходом (нормами, принятыми в обыденной речи), а не «техническими» правилами. Спор аналогистов с аномалистами известен нам главным образом по трактату Варрона (I век до н.э.) «О латинском языке». Варрон приходит к выводу, что в словообразовании господствует аномалия, а во флексии – аналогия [3, с. 87]. В дальнейшем, в Средние века, это противопоставление отразится в дискуссии об универсалиях – в противопоставлении «реализма» и «номинализма».

Выводы. Ранние философы основывают свои рассуждения о языке на нескольких базовых представлениях. Во-первых, это исходный изоморфизм языка и мира, как в их современном строении, так и в истории их возникновения. Во-вторых, это общие принципы организации языка и мира, состоящие в одновременно дополняющих друг друга процессах деления и сложения элементов. В-третьих, это неизбежная двойственность и противоречивость языка и мира, которая по-разному оценивается разными философами, но всеми признается. Этот параллелизм языка и мира делает возможным сопоставление словесной данности с сущностью вещей и, по всей видимости, лингвистические наблюдения играли в таких сопоставлениях роль не иллюстрации, но конкретной аргументации. Античная философия предельно конкретна, и язык дает ей возможность строить умозаключения о мироустройстве на

конкретной, «осязаемой» основе. Поэтому не случайно и дальнейшие построения греческих мыслителей будут строиться на языковой основе, будь то диалектика бытия и небытия у Платона, система категорий Аристотеля или универсальная философская доктрина стоиков.

С другой стороны, многие черты ранних философских наблюдений над языком оказываются значимыми для позднейшей, уже строго научной филологической традиции. Так, принципы языкового «разделения и соединения» дают толчок для развития теории лингвистического синтаксиса, идея двойственности имени и языка в целом отражается как в этимологических опытах, которые вплоть до поздней античности исходят из возможной многозначности слова, так и в учении о языковом знаке, которое и у Аристотеля, и у стоиков и Августина основано на представлении о его двойной природе (знак как отражение вещи и знак в соотношении с другими знаками). Таким образом, лингвистические опыты досократиков получают свое продолжение и в философской, и в грамматической традиции.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК:

1. Гринцер Н.П. «Лингвистические основы: раннегреческая философия» Текст / Гринцер Н.П. // Язык о языке. Сб. ст. – М.: Языки русской культуры, 2000. – с.45-63.
2. Кассирер Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник МГУ, Философия, 1990, №2. – с.159.
3. Античные теории языка и стиля (антология текстов) Текст. – СПб.: Алетейя, 1996. – 363 с.
4. Троцкий И.М. Проблемы языка в античной науке Текст / Троцкий И.П. // Античные теории языка и стиля (антология текстов). – СПб.: Алетейя, 1996. – С. 9-32.

УДК 27.2-678

Е.В. Германова де Диас

Харківська державна академія культури,
к. філос. н., доц. кафедри культурології та медіакомунікацій

ОСНОВНІ ІДЕЇ ТА ПРИНЦИПИ БОГОСЛОВ'Я ТА ГРОМАДСЬКОЇ ДІЯЛЬНОСТІ Й. РАТЦИНГЕРА

Одним з найвпливовіших католицьких теологів сучасності недаремно вважають Йозефа Ратцингера, який у 2005-2012 рр. Посідав папський престол. В статті розглядаються особливості богословської думки Ратцингера, його ставлення до проблем христології, деміфологізації християнства, захисту традиційних цінностей. Увага приділяється також громадській діяльності Ратцингера.

Ключові слова: теологія, традиціоналізм, христологія, деміфологізація.

Э.В. Германова де Диас

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ БОГОСЛОВИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Й. РАТЦИНГЕРА

Одним из наиболее влиятельных католических теологов современности считается Йозеф Ратцингер, который в 2005-2012 гг. был римским папой. В статье рассматриваются особенности богословской мысли Ратцингера, его отношение к проблемам христологии, демифологизации христианства, защите традиционных ценностей. Внимание уделяется также общественной деятельности Ратцингера.

Ключевые слова: теология, традиционализм, христология, демифологизация.